

РАЗВОД С ГЕНЕРАЛОМ ДВАЖДЫ ИСТИННАЯ

18+

«МУЖ ПРИКАЗАЛ СЛУГЕ ОБЕСЧЕСТИТЬ МЕНЯ. А УТРОМ, ЗА ЗАВТРАКОМ
Я ПОЛУЧИЛА ПЕРВЫЙ ПОДАРОК ОТ ТАИНСТВЕННОГО УБИЙЦЫ»

КРИСТИНА ЮРАШ

Кристина Юраш
Развод с генералом.
Дважды истинная
Серия «Темные желания
(однотомники)», книга 7

*<https://litres.ru/73240698>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Мой муж быстро забыл, кто сидел у его постели, когда он умирал.

Забыл, кто отдал красоту и молодость ради его жизни. В награду генерал-дракон завёл красавицу-любовницу.

А меня запер в доме, чтобы никто не видел моего уродства. Ему стыдно показывать меня людям.

Ведь генералу-дракону положено быть лучшим во всём.

Метка истинности погасла. Я поняла это конец.

После скандала я тихо собрала вещи и уехала в свое поместье. У меня на эту жизнь другие планы. Тем более, я заинтересовалась алхимией. Первый эксперимент закончился неудачно... Или... я нашла то, что способно изменить мир. Но повторить это зелье я пока не могу.

Я скрыла новое лицо под вуалью, когда генерал протянул документы на развод.

Что он скажет, когда узнает, что его бывшая жена, та которую он отверг ради первой красавицы, теперь красивее его любовницы в сто раз?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4. Дракон	24
Глава 5. Дракон	27
Глава 6. Дракон	31
Глава 7. Дракон	34
Глава 8. Дракон	36
Глава 9	39
Глава 10	41
Глава 11	44
Глава 12	47
Глава 13. Дракон	49
Глава 14	52
Глава 15	56
Глава 16	58
Глава 17	61
Глава 18	63
Глава 19	65
Глава 20	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Кристина Юраш

Развод с генералом.

Дважды истинная

Пролог

– Я не хочу тебя, Алира...

Красавец – генерал, Иарменор Эрден, мой муж, произнес эти слова и замолчал. И в этом молчании он был честен до жестокости.

Метка истинности на моём запястье давно погасла. А в газетах уже пишут, что новой любовью генерала стала Эллен Вальберг – неземная красавица, хрупкая, как хрусталь, с кожей цвета первого снега.

– Ты теперь просто брезгуешь! – севшим голосом прошептала я. – А ведь когда я меняла повязки на твоих ранах, впитывая проклятие в собственное тело, ты не брезговал. Ты целовал мои пальцы и шептал: «Не уходи...»

Он только что вернул мои руки, которые пытались растегнуть его мундир.

– Я знаю, что выгляжу, как старуха! Но мне всего лишь двадцать шесть! Твоё проклятие забрало у меня всё. Молодость. Красоту. Здоровье! Чтобы однажды я услышала, что

тебе тошно на меня смотреть?

Я еще терпела. Я еще не плакала.

– Я пожертвовала самым дорогим, что есть у женщины, чтобы ты выжил. А теперь тебе стыдно появляться со мной в обществе! – мой голос стал громче.

Он все еще молчал. Я знала, что слуги слышали наш разговор. Да к черту слуг! Вся столица уже знает, что теперь постель генерала греет другая!

– Тебе неприятно видеть меня рядом. Ты не хочешь меня. Тебе стыдно со мной куда-то выходить! – произнесла я, давась слезами.

Мой главный мой позор произошел сегодня. На Императорском балу, на который меня, разумеется, не взяли.

Теперь вся столица судачит, что у генерала Эрдена появилась красавица-любовница! Пока его уродливая жена сидит в своем поместье.

Дворецкий прятал газету, как мог. Он одновременно не хотел подставлять хозяина. И расстраивать меня. И я его понимаю.

Теперь вся столица гадает, когда назначена дата новой свадьбы, какое платье выберет невеста и сколько у них будет детей.

– Я сразу поняла, что что-то не так. С того момента, как ты очнулся, ты... ты... ни разу не поцеловал меня... в губы... Только руку... Или в висок... И ни разу в губы... – захлебываясь болью, прошептала я.

Внутри все дрожало от этих слов.

Я больше не видела в его сапфировых глазах того желания, которое видела раньше. Метка истинности на моем запястье померкла. Она почти исчезла. Остался лишь слабый контур, словно напоминание о том, что когда-то я была для него самой желанной женщиной на свете.

Словно сама судьба решила, что красавцу – генералу пора подыскивать новую шикарную жену.

А раньше метка сияла золотом. Я гладила ее. Его знак. Его печать. Его любовь. Я знала, что пока она горит, он жив. Он помнит обо мне. И она успокаивала меня тогда, когда я начинала переживать. Древняя магия, связавшая две души казалась мне нерушимой.

До того, как я развернула свежий выпуск газеты.

– Я... я еще никогда не выпрашивала у мужчины ... любовь, – мой голос дрогнул. Но я постаралась сдержать рыдания. – Это... это так унижительно... Ты даже представить себе не можешь насколько это ... унижительно...

Я прижала руку к лицу, пытаюсь сдержать подступающие слезы

– Я знаю, сколько ты для меня сделала. И я безмерно тебе благодарен, но... Только не надо плакать... Я прошу тебя... Ты же сама все понимаешь... – произнес Иарменор.

Рука мужа легла на мое плечо, но я резким движением скинула ее.

– Не трогай меня, – прошептала я, закусывая сгиб указа-

тельного пальца, чтобы не разрыдаться. – Уйди... Уйди!

Мое тело трясло, а перед глазами – бессонные ночи возле его постели. С того момента, как его привезли умирающим шесть месяцев назад, казалось, прошла целая жизнь.

“Я вернусь! Обязательно!”, – вспоминала я его голос. Я помнила его пальцы, которые гладили мою щеку. Вспоминала, его величественную походку, идеальную выправку. Я стояла у окна и видела, как адъютант открывает перед ним дверь кареты. И мое сердце билось, переполненное любовью, гордостью и тревогой.

Словно оно предчувствовало беду.

Когда его привезли домой, мне сказали готовиться к похоронам.

Врачи в один голос говорили: «Он безнадежен! Это проклятье – хуже чумы. Еще никому не удалось выжить... И тут даже драконья кровь не спасет. Хотя, будь на его месте человек, он давно был бы мертв... ».

Я помню, как сжимала его руку и целовала его пальцы. Как сочились тьмой проклятой магии его повязки. И как доктора отказывались их менять: “Мадам, не трогайте! Это... это опасно для окружающих!”.

“Госпожа-а-а! Я больше не буду менять повязки господину генералу! Хоть увольте!”, – ревела служанка Дженни, стоя передо мной на коленях и показывая свою руку со следом проклятья, которое моментально въедалось в ее кожу.

Никто. Ни за какие деньги не хотел рисковать собой. Ни

одна сиделка не соглашалась находиться рядом с ним.

А я не могла бросить любимого. Не могла. Я сидела рядом, меняла повязки, разговаривала с ним, кормила с ложечки, мыла, давала ему зелье, пока слуги толпились в дверях, боясь подойти ближе, чтобы "не заразиться"!

“Мадам, вы ... очень рискуете, находясь рядом с ним... Последствия могут быть необратимыми!”, – негромко говорили доктора, показывая глазами на приоткрытую дверь спальни. – “Вам лучше нанять сиделку!”.

Сиделку? Ха! Легко сказать! Никто не соглашался медленно убивать себя, меняя ему повязки! Сколько бы я не обещала!

Я платила свою цену за каждый день его жизни. Платила бессонными ночами, тихими молитвами, глазами, полными слез и надеждой, которая не угасала в моем сердце.

“Мадам, у вас седея прядь...” – с ужасом прошептала служанка, выронив гребень на пол.

В зеркале отражалась не я. Не та молодая, красивая женщина, которая целовала моего генерала на прощание. Мне было всего двадцать шесть, а выглядела я на пятьдесят. При условии, что тридцать лет я посвятила пьянству!

“Мадам, а что с вашей кожей?”, – сглатывала служанка, рассматривая мое лицо в ужасе, с которым юность и свежесть смотрит на болезнь и старость.

Они смотрели на меня как на героя.

А я больше не могла смотреть на себя в зеркало, в котором

отражалась седая измученная отекая старуха с кожей, похожей на пергамент, с темными кругами вокруг глаз, с морщинами и уставшими глазами.

И это все ради того, чтобы однажды увидеть, как мой кра-савец, моя любовь, мой генерал снова расправит широкие плечи, наденет темный мундир с золотыми эполетами, стянет волосы лентой и снова произнесет: “Служу Империи!”.

– Я понимаю. Но и ты меня пойми... – его рука попыталась меня обнять снова. – Это не значит, что мы разводимся. Или я тебя брошу. Нет. Я обязан тебе жизнью. И это дорогого стоит.

Сейчас я чувствовала себя лошадью Пржевальского. Верной боевой подругой, которая не бросила в беде. Которую больше не хотят. Но и не выгоняют.

– Мы постараемся с этим что-то сделать, – он коснулся моего лица, а я почувствовала, словно это прикосновение меня обожгло.

Я все еще любила.

Все еще хотела его.

И мысль о том, что меня отвергли, была просто невыносимой.

Он был красив, как пламя на краю гибели – высокий, с широкими плечами, будто выкованными из стали Империи. Его лицо – резкое, с высокими скулами и тонким шрамом, идущим от виска к подбородку, память о сражении под Колл-фраксом. Но главное – глаза. Сапфировые днём, ночью они

вспыхивали янтарным, а в гневе зрачки сужались до вертикальных щелей, как у зверя.

Я знала: под мундиром с золотыми эполетами скрывалась не просто душа воина, а древняя кровь. Говорили, что настоящие, оборотные драконы больше не рождаются... но он доказывал обратное каждым своим вздохом.

Иногда, в бреду, он шептал на древнем языке драконов – слова, от которых гас свет и дрожали стены. А однажды я увидела, как по его вискам пробежала тонкая чешуйчатая тень... и исчезла, едва я коснулась ее пальцем.

Сейчас он смотрел на меня по прежнему молодой, красивый, сильный. А мой плач был почти беззвучен. Я с трудом могла сдержать его после такого унижения.

– Давай пока подождем. Может, еще один доктор посмотрит и сможет что-то исправить? Я что-нибудь придумаю. Обязательно!

“Сможет что-то исправить!”, – мысленно передразнила я, глядя на свежую газету, которая лежала на столике.

Сказать или не сказать?

Я зажмурилась, а потом шагнула к столу, взяла газету, развернула ее на первой странице, а потом посмотрела ему в глаза.

– Ты уже придумал. Дочь герцога, первая красавица – отличная пара для генерала – победителя Эрден! Пока его жена сидит дома! – едва слышным от боли шепотом задохнулась я.

В груди что-то подрагивало. Нет, не там, где сердце. Где-то в солнечном сплетении. Словно мне холодно. Словно меня знобит.

Муж смотрел на фотографию, а потом на меня. На глянцевой бумаге – Эллен Вальберг в белом бальном платье дебютантки, её пальцы лежат на рукаве генерала. Его глаза – те самые сапфировые, что когда-то горели, глядя на меня. Теперь они смотрят на неё.

– Я не хотел, чтобы ты это видела, – прошептал он.

Глава 1

– Именно поэтому ты попросил дворецкого перехватывать все газеты! – с горечью произнесла я. Мои губы дрогнули, а я сжала их. – Как там ее? Эллен Вальберг?

– Ты... ты всё не так поняла! – на лице мужа было мучительное страдание.

– Мне тут уже всё объяснили. Любовница генерала! Эллен Вальберг! – прошептала я сквозь боль, прикасаясь к своему лицу. – Но разве я в этом виновата?

– Я знаю, что ты не виновата! И я не собираюсь рушить семью. Ты для меня дорогой человек. А она...

– Хватит! – закричала я, не в силах выдержать эту пытку гордости. – Я знаю, кто она для тебя!

Я бросила газету на пол и вышла из комнаты.

Служанка, попавшаяся мне на пути, сделала вид, что не заметила моих слез. Она к ним уже привыкла. Раньше я плакала от бессилия и страха за его жизнь. Сейчас я плакала от того, что верила: "красота – это не самое важное в любви! Любовь сильнее внешности!".

Я вошла в свои покои, закрывая за собой дверь.

Зеркальное трюмо было занавешено тканью. На столике стояли самые лучшие крема, зелья, мази, притирки. Которые ни черта не помогали! Если бы хоть чуть-чуть... Хоть капельку... Ну хоть немножко... Я бы взяла себя в руки и

немного успокоилась. Но нет. Надежды не было.

Не в силах вытерпеть боль и отчаяние, я смела их с трюмо, а они все посыпались на пол.

“Бесполезная ерунда!” – тряслась я в беззвучном плаче.

В дверь послышался стук, а я обернулась, зная, кто так стучит.

– Алира. Я прошу тебя. Открой дверь. Давай поговорим! Я тебе всё объясню!

– Хватит! – закричала я, задыхаясь от боли. – Ты всё сказал! Я тебя услышала! Убирайся! Иарменор! Убирайся!!!

Я присела в кресло и заплакала. Не прошло и пятнадцати минут, как от дома отъехала его карета. И снова бал, и снова званый ужин, и снова красавица, которую не стыдно показать людям!

– Эллен Вальберг, – проглотила я это имя. И оно потекло слезами по моим щекам.

Хрупкая, изысканная, словно статуэтка. Ее кожа была белоснежной, глаза – прозрачные, почти бесцветные, будто лёд на озере, но очень выразительные! Улыбка – точная, как шаг парадного строя. Она не смеётся громко, не делает резких движений, не теряет контроля.

Её красота – холодная, без теней, без глубины. Она – идеальное украшение для мундира генерала – победителя.

Но...

Я всхлипнула.

Не она меняла повязки, пропитанные проклятьем! Не она

кормила его с ложечки! Не она каждый день промывала раны зельем!

Это делала я! Я!

Замерев на секунду, я сглотнула. А потом глубоко-глубоко вдохнула, чтобы медленно выпустить воздух, слыша, как стучат от нервов мои зубы.

– Что ж...

Я осмотрела комнату, а потом закрыла глаза.

– Дженни! – позвала я.

Мой предательски голос дрогнул.

– Да, госпожа! – послышался голос служанки.

– Пусть мне подготовят карету... – прошептала я.

Что-то в груди снова задрожало, словно противясь решению, которое я только что приняла. Дрожали даже мои руки.

Но гордость не дрогнула.

Я открыла дверь, чтобы Дженни смогла войти, а потом вернулась в свое кресло. Теперь на смену дрожи пришло холодное спокойствие. Казалось, всё внутри застыло. Я попыталась сглотнуть, но в горле – ком. Нет, это не ком. Это гордость. Моя гордость.

– Дженни. Собери мои вещи. Много не бери. Просто саквояж. Этого будет достаточно, – приказала я.

“Неужели я решилась на это?” – прошептало что-то внутри, затаив дыхание.

– Да, – беззвучно ответила я, но голос дрогнул. Я сидела и смотрела в пламя камина. Мысли пытались зацепиться за

новую жизнь. Но я не могла представить ее себе.

– Мадам! Ваш саквояж готов! – послышался голос Дженны.

– Спасибо, – устало вздохнула я, а потом резко выдохнула.
– Принеси мою накидку.

Дженна тут же бросилась за накидкой, а я встала, словно королева, которая покидала свои владения. Что-то еще билось в груди: “Ты ведь можешь остаться! А вдруг маги смогут помочь? Мы же не всех перепробовали!”

Накидка легла на мои плечи, а я вышла в коридор. “Не вздумай плакать!” – я сжала кулаки.

Я медленно спускалась по лестнице, слыша, как лакей идет позади меня и несет мои вещи.

– Мадам? Вы надолго уезжаете? – спросил дворецкий, глядя на саквояж.

– Навсегда.

Глава 2

Я посмотрела на поместье в последний раз. Сейчас, со снежными шапками, оно выглядело так нарядно, почти празднично. В окнах горел уютный свет, на крыльце светились фонари. Я привыкла к этому месту. А теперь придется отвыкать.

Дворецкий открыл дверь кареты, а я села в нее, слыша, как скрипнуло подо мной сидение.

– Куда вас везти? – крикнул кучер.

– В мое поместье, – прошептала я, пытаясь растопить пальцами узоры на окне.

Карета тронулась. Я слышала как стучат копыта, видела как в проталинке мелькают фонари.

На секунду я представила, что в одном из этих роскошных домов, за прикрытыми шторами, мой муж признается в любви красавице Эллен. И смотрит на нее с тем обожанием, с которым когда-то смотрел на меня.

Я даже слышала ее смех. Нежный, приятный, как колокольчики.

– Пусть, – прошептала я, сжимая кулаки.. – Пусть развлекается...

Карета выехала за город, а я словно вдохнула этот запах. Запах свободы. Никаких слуг, которые с удивлением и ужасом смотрят на твое лицо. Никаких косых взглядов на улице.

Никаких вуалей, призванных пощадить тонкие эстетические вкусы общества.

Мне показалось, что мои плечи немного расслабились.

– Ну все, Яна, – выдохнула я, вспоминая свое старое имя из того мира. – Ты больше не Алира. Все закончилось... И что-то началось... Ты уже начинала все с нуля... Так что тебе бояться нечего...

Но я все равно дрожала. Воспоминания вернули в больницу палату. Как давно это было... Восемь лет назад. Далеко-далеко. В другом мире, в котором я жила перед тем, как попасть сюда, в тело Алиры Гринвей. Завидной невесты, красавицы – дебютантки, за которой строились целые очереди женихов.

Чистый белый свет. Чистые простыни. Вечернее окно с жалюзи. Пиканье какого-то прибора и папина рука.

“Яночка, не надо... Не трать денежку... Лучше побереги. Не надо залезать в долги... Ну сколько мы выиграем? Ну месяца два... И то там шарлатанов полно... Я все равно уйду. А тебе это все выплачивать...”

Я тогда плакала, сжимая его холодную руку.

“Пап, прошу тебя... Не надо так говорить...” – шептала я в его пальцы, которые сжимали мои.

“Ну что значит, не надо? Меня завтра выпишут! Мы вернемся домой!”

Я понимала, что это – не выздоровление. Это ... конец.

А потом я помню, как спустя месяц набирала скорую и

кричала в трубку: “Папа наглотался таблеток! Срочно! Приезжайте!”.

Полуобморочное состояние. Я не чувствовала даже пола под ногами. Как же они медленно едут... А потом его подпись на документе и последние слова: “Я не хочу, чтобы моя дочь страдала... Отказываюсь от реанимации”.

Слезы выступили на моих глазах, как тогда, когда я смотрела в окно. Папу увезли. И когда я увидела его в следующий раз, он был спокойным, нарядным в красивом костюме. А у меня в руках дрожали две розы.

Я не спасла. И я до сих пор не могу простить себя за это.

И поэтому, когда моего мужа привезли, я поняла, что должна быть рядом. Бороться до конца. Не отпускать. И я не отпустила.

Мои пальцы снова согрели стекло, а я увидела за стеклом нарядный зимний лес. Как на открытках.

“Интересно, муж вспомнит обо мне?”, – сглотнула я, чувствуя, как снова подступают слезы.

“Не реви!”, – приказала я своим нервным клеткам, которые уже ныли дружным хором.

Карета остановилась. И я поняла, что мы приехали. Томас помог мне выйти из кареты. Моя нога тут же провалилась в снег.

– Осторожней, мадам. Здесь нечищено...

Поместье в два этажа возвышалось над заснеженным забором в черном кружеве деревьев. Небольшое, из красного

кирпича с высокими строгими темными окнами, оно казалось необитаемым островом среди белого снега.

– Мадам, может вы одумаетесь и ... вернетесь домой? – послышался голос кучера Томаса.

Огромный бородатый детина стоял рядом и смотрел на промерзший дом, чьи высокие трубы цепляли серые снежные облака.

– Спасибо, Томас! – вздохнула я, похлопав его по плечу.
– Дальше я сама...

Я ступила на обледеневшую лестницу и направилась к старой двери. От моего прикосновения, дверь открылась, а я вошла в гулкий, холодный темный холл.

Я чувствовала себя крошечной песчинкой, в луче света, застывшей в нерешительности.

Этот дом принадлежал семье Алиры. Древний магический род алхимиков. Меня никогда не привлекала алхимия. Настоящую Алиру, видимо, тоже. А вот дом пригодился!

Я поставила чемодан на пол, а потом сглотнула и закрыла дверь, словно отрезая от себя все прошлое.

– Ну здравствуй! Новая жизнь! – произнесла я, а мой голос утонул в темноте дома.

Глава 3

Холл пах сыростью, пылью и чем-то древним – будто стены хранили шёпот прежних владельцев.

На стене висел портрет женщины в чёрном платье с серебряной брошью в виде полумесяца. Её глаза, потемневшие от времени, смотрели прямо на меня. Они смотрели на меня, как на блудную дочь, с позором вернувшуюся домой.

Я провела рукой по перилам лестницы – дерево было гладким, будто его веками касались чьи-то пальцы. В углу, под лестницей, мелькнул силуэт – но, моргнув, я поняла: это лишь тень от ветки за окном.

И всё же... Дом не чувствовался заброшенным. Скорее, затаившимся в ожидании.

Как будто он знал, что однажды сюда придёт женщина, чья красота сгорела в огне чужой боли, и чья душа ещё не сдалась.

Для начала я решила выбрать комнату, чтобы отапливать только ее. Одной комнаты мне будет вполне достаточно. Для начала.

Я ничего не хотела брать из дома генерала. Ни украшения. Ни подарки. Ни деньги. Хотя, вру. Немного денег я с собой взяла. Где-то в глубине души я чувствовала, что если я возьму платья, подарки, получится так, словно муж откупился от меня. А мне хотелось, чтобы он почувствовал, что то,

что я сделала для него, невозможно перекрыть роскошными платьями и украшениями.

Я открыла скрипучую дверь в одну из комнат и включила магический свет.

– Ну и д-д-дубарь зд-д-десь! – поежилась я, глядя на камин и дрова, которые лежали рядом.

Легкий взмах руки и простенькое заклинание заставили камин вспыхнуть. А я протянула к нему озябшие руки.

– Зато можно не бояться призраков! Я бы на их месте ушла греться в ад! – выдохнула я, стуча зубами.

Огонь весело потрескивал, а я не разделяла его оптимизма. “Не вздумай реветь!”, – предупредила я подступившие слезы. – “Дурочка, радуйся! У тебя новая жизнь!”.

Радоваться было непросто. Холод был такой, что даже мыши замерзли посреди бегства.

Но комната постепенно наполнялась теплом, как мое сердце надеждой. Я чувствовала, как перестаю дрожать.

Здесь не было любопытных слуг, не было горничных, не было постоянного шума в коридоре. Здесь была только я одна. И всем плевать, как я выгляжу.

Я отряхнула одеяло от пыли, сняла шубу, платье, достала ночную сорочку и провалилась в мягкий матрас, прижавшись щекой к холодной подушке.

“Спокойной ночи, Яна... Завтра будет новый день... Первый день новой жизни!”, – прошептала я, закрывая глаза. – “И я знаю, что ты справишься!”.

Только сейчас я услышала звук отъезжающей кареты, словно Томас до конца надеялся, что холод и пустота напугают меня.

Нет, меня пугает другой холод. Холод, идущий от мужа. И пустота в его глазах.

Глава 4. Дракон

«Уходи! Уходи!!!»

Эти два слова до сих пор звенят у меня в черепе, как колокол перед казнью.

Я стоял у двери, как последний дурак, и не решался постучать снова. Потому что знал – Алира не откроет. Не потому что злилась. А потому что стыдилась. Стыдилась того, во что превратилась ради меня.

А зверь внутри... Он не понимал человеческих слов. Он только чувствовал. И всё, что он чувствовал, – это раненое создание, которое дрожало в темноте, свернувшись клубком в своей боли.

Дракон хотел войти. Закрывать дверь. Рычать на весь мир. Прикрыть её своим телом, как детёныша, пока она не перестанет дрожать.

Но я-то знал – ей не нужно укрытие. Ей нужно было, чтобы я захотел её. Чтобы посмотрел на неё и сказал: «Хочу тебя... Больше жизни...».

А я не мог.

Не потому что не любил.

Не потому что она перестала быть «моей».

А потому что дракон внутри решил всё по-своему. Обнять. Защитить. Спрятать от всего мира.

Она была уязвима, слаба. И он это чувствовал. Как ране-

ного детёныша.

Это было что-то на уровне инстинктов. Древних, как Лерейские горы. В которых при взятии крепости Конфлаграт сложил голову мой отец, Аморакс Эрден.

Я знал, что она это не поймет. Она – человек. А люди думают иначе. Они видят мир совсем по-другому. Их жизнь не подчиняется древним инстинктам. А драконы – это чудовища, принимающие облик человека. Но даже в этом облике всё решает зверь.

Когда я смотрю на неё, мои пальцы сами тянутся к ней – не как к женщине, а как к ране, которую нельзя трогать, но хочется закрыть ладонью.

И каждый раз, когда я вижу её, у меня в груди становится пусто – как будто кто-то вынул сердце и оставил вместо него комок льда. Я не могу дышать. Не могу говорить. Могу только стоять и смотреть, как она прячет руки в рукава, чтобы я не видел, как они дрожат. А потом – поворачиваться и уходить, потому что лучше быть жестоким, чем беспомощным.

Карета везла меня на званый ужин, на котором я обещал быть. Туда, где меня уже ждала Эллен.

Внутри у меня всё ныло – не от усталости, а от странного чувства, словно голос отца говорит: «Ты всё делаешь правильно!».

Я знал, что, как только войду в зал, все взглянут на нас с Эллен и подумают: «Вот она – новая истинная генерала». И я не стану протестовать. Не стану разбивать эту ложь.

Просто... Когда она стояла рядом, мир переставал задавать вопросы.

А Эллен... Эллен даже не замечала, что я смотрю сквозь неё. Она улыбалась, кланялась, принимала комплименты – и думала, что это начало.

– Вы, как всегда, безупречны, генерал. Такой мужчина достоин только самой прекрасной жены, – улыбнулась она, когда мы вместе вошли в зал.

– Особенно если эта жена умеет стоять молча и не задавать вопросов, – ответил я, не глядя на неё. – К счастью, красота – единственное, что вам не нужно имитировать.

Глава 5. Дракон

Однажды она провела пальцем по моему запястью – будто проверяла, осталась ли там метка истинности. Я отдернул руку. Она улыбнулась, как будто ничего не произошло. Она знала, что я женат. Знала, что моя жена – истинная. И ей всё равно. Потому что быть «женщиной генерала» – уже победа.

Иногда, когда она клала руку на мой рукав, я ловил себя на мысли: «Если бы Алира выглядела так – я бы гордился ею». И сразу же ненавидел себя за это. Потому что Алира не «выглядела». Она спасла меня. А я... Я выбираю ту, кого можно показать.

Её кожа – гладкая, как шёлк на новом мундире. Глаза – чистые, без теней. Улыбка – точная, как выверенный шаг строя.

Она – то, что одобрил бы отец.

Идеал.

Слово отдалось в голове обрывком памяти.

«Почему форма не по уставу? Что с воротничком?! Откуда на груди складка?! Я что, так учил тебя держать спину? А ну быстро выпрямился! Ты не дракон! Ты – собака сутулая», – строгий голос отца появился в памяти.

Даже сейчас, сидя в карете, я рефлекторно одернул манжеты и расправил плечи.

«Ну пап!» – вздыхал я.

«Никаких «ну пап»! Господин генерал!» – резко оборвал отец, сверкнув глазами.

Я помню его идеальный порядок на столе. Уголок к уголку. Всё под линейку. И горничных, которые по несколько раз вытирали пыль, а потом приседали, чтобы проверить, не осталось ли пылинки на лакированной столешнице.

«Порядок в армии начинается с генерала! Иарменор Эрден!»

Отец по старой привычке заложил руки за спину и стал расхаживать по кабинету. Его шаг был тяжелым. Идеально ровным. Этот шаг знал весь дом и замирал, когда он раздавался в коридорах.

«Что ты имеешь права требовать с солдат, если ты сам не идеален? О какой дисциплине может быть речь, если ты сам подаешь им дурной пример!»

Резкий взгляд остановился на мне.

«У генерала идеальным должно быть всё! Стол. Мундир. Осанка. Рядом с генералом должна быть самая красивая и самая лучшая женщина!» – отец смотрел на меня, а я на него.

«Господин генерал, разрешите обратиться! А при чем здесь женщина?» – спросил я, глядя на портрет вечно прекрасной мамы. Это был ее последний портрет.

«Притом! Если ты смог завоевать первую красавицу, то крепость ты точно завоюешь! С крепостью попроще будет, – твердо произнес отец. И усмехнулся. – Подумай сам! Ты должен быть победителем во всём. Даже в мелочах. В тебя

должны верить. Люди должны видеть, что там, где ты, там победа! Всегда! Даже если это карточная игра или детская забава!»

Он помолчал, а потом добавил.

«Выбирай ту, вокруг которой вьется много женихов. Пусть все видят: если ты сумел ее завоевать, значит, ты чего-то стоишь! Не хватало, чтобы про генерала говорили: «Какая ему крепость! Он женщину завоевать не может! Вон ее другой увел! Может, ему стоит возглавить армию?»

«А если я встречу истинную? Это же навсегда?» – спросил я, со вздохом глядя на маму.

«Истинная? Навсегда?» – усмехнулся отец, глядя на меня сверху вниз.

Он снял перчатку, закатал рукав и показал две серые, мертвые метки истинности.

Я помню, как расширились от удивления мои глаза.

Две? Да быть такого не может! У дракона бывает только одна истинная! То, что я видел, не укладывалось у меня в голове.

«Одна истинная навсегда? Ну-ну!» – усмехнулся он, снова надевая перчатку, поправляя рукав и одергивая форму.

«Но ведь во всех книгах написано...»

Я замялся.

Отец усмехнулся. Он смотрел на меня со снисхождением. Впервые за все время черты его лица немного смягчились.

«Я научу тебя однажды, как это можно сделать! Но не сей-

час! Сейчас – шагом марш в столовую!» – командный голос отца заставил меня выровняться и направиться за дверь.

Я тогда не понял, что он имел в виду.

А теперь... Теперь я боюсь, что понимаю.

Если метку можно «переназначить» – значит, любовь можно стереть?

Глава 6. Дракон

– Госпожа уехала, – слышался голос дворецкого, когда я открыл дверь ее комнаты.

– Когда? – резко спросил я, чувствуя, как внутри все насторожилось. Дракон резко поднял голову. Я чувствовал жар его дыхания, и по телу пробежала чешуя. Я выдохнул, стараясь выглядеть спокойным.

– Эм... Еще ночью... Сразу после вашего разговора, – произнес дворецкий, стоя в коридоре.

Ночью? Куда она собралась ночью?

– Куда?! – спросил я, внимательно глядя на ее комнату.

– В свое поместье, что в пригороде, – заметил дворецкий, а я быстро пробежал глазами по комнате. Вещи ее на месте. Но беспокойство не давало мне покоя. Словно пока меня нет, что-то случилось.

– Что ей нужно там на ночь глядя? – спросил я с раздражением. Сама мысль о том, что она куда-то уехала из поместья, вызвала приступ ярости. Почему она мне ничего не сказала? Почему не предупредила? Почему я должен волноваться?

– Она уехала... навсегда, – произнес дворецкий.

Секунда. Другая. Третья.

Навсегда?

Да нет. Быть такого не может! Она же ничего не взяла? Я

вижу шкатулку с ее украшениями! Ее вещи в комнате!

Я замер, чувствуя, как это слово резко сжимает мои легкие, словно выдавливая из них весь воздух.

— Полагаю, она решила, что вы будете жить отдельно, — вздохнул дворецкий.

Раздельно?

Это слово ударило, как клинок между ребер. Не в сердце — туда уже давно не достучаться. А прямо в ту часть, где живет зверь.

Дракон зарычал — не громко, не наружу, а внутри, так, что у меня закружилась голова.

«Она не может уйти. Она — моя. Даже если метка погасла. Даже если я не могу ее хотеть. Она все равно — моя!»

Я шагнул вперед, почти сбив дворецкого с ног.

— Кто еще знает? — спросил я, сжимая кулаки так, что ногти превратились в когти и впились в ладонь.

— Только Томас... и служанка Дженни...

Я кивнул. В голове уже мелькали приказы: «Запереть поместье. Никому не входить. Никому не выходить. Найти Томаса. Узнать, что она взяла. Что сказала. Как выглядела».

Но потом... потом я вспомнил ее глаза. Те самые, что смотрели на меня, когда я сказал: «Я не хочу тебя».

И вдруг понял. Она ушла не тогда, когда я уехал. Она ушла раньше. В тот момент, когда закрыла дверь комнаты. Тогда, когда крикнула: «Уходи!». Она ушла тогда. А я не понял, что она ушла.

– Она ушла с одним саквояжем. Взяла несколько платьев и белье, – добавил дворецкий.

Теперь я точно ничего не понимал. Она не взяла ни украшения, ни платья, ни деньги...

Разве так женщины уходят навсегда?

Глава 7. Дракон

Я прикрыл дверь комнаты, а сам направился вниз. Отдернув рукав мундира, я посмотрел на метку. Она осталась, как старый шрам. Едва заметная, едва различимая. Как метки у отца на руке. Как метка мамы, как метка той, что была до нее. Как след былой любви. Отпечаток чувств, которых больше не осталось.

Она могла предупредить. Сказать, что уезжает. Попрошиться. Но она сделала это тихо. Пока меня не было дома. Словно это было бегство.

Дракон внутри рвался за ней. Он хотел вернуть ее, притащить сюда, посадить обратно в комнату, но я сдерживал его. Он хотел сделать ее пленницей. По закону. По праву.

А я понимал, что это все безнадежно. Что наши отношения зашли в тупик. И они мучили ее. Так же, как и мучили меня. Если поначалу еще была надежда, что найдется в мире такая магия, которая способна все исправить, то сейчас, когда ее пересмотрели все целители, маги, колдуны всех цветов и направлений, мы оба знали, что надежды вернуть ей прежнюю внешность, вытащить из нее проклятье, нет.

Только она осознала это раньше, чем я. И поэтому ушла. Я вспомнил то, о чем говорил отец. Метка истинности. Есть магия, способная заставить дракона забыть об истинной навсегда. И можно будет связать себя новой истинностью с

той, с которой я хочу.

Но вдруг я вспомнил – не её лицо, не её голос, а её пальцы. Как они дрожали, когда она меняла мои повязки. Как кровь сочилась под её ногтями, когда она выковыривала проклятие из раны. Как она целовала мои пальцы и шептала: «Дыши, Иарменор, дыши...».

И в этот момент метка дёрнулась. Не загорелась – нет. Но дёрнулась, как сердце, которое ещё не сдалось.

А я... Я даже не сказал ей «спасибо». Я сказал: «Я не хочу тебя».

Может, действительно хватит мучить друг друга? Пройдет день, неделя, месяц, годы... А все останется как прежде. Она никогда не станет прежней. А дракон никогда не посмотрит на нее с желанием. И это все больше будет ее угнетать.

Она свой выбор сделала. Теперь остался выбор за мной.

Глава 8. Дракон

Я встал и направился в свой кабинет. Если она ушла, то она так решила. И я понимал, что не могу дать ей то, чего она хочет. Я был бы рад отдать ей все. Но я в ловушке собственного зверя.

Это не значит, что я ее брошу. Я готов ей отдать половину сокровищницы. Все, что она захочет. Прийти на помощь, когда она будет в ней нуждаться.

Просто у каждого из нас будет своя жизнь.

В кабинете пахло запахом отцовских духов. Столько времени прошло, а он въелся в дерево так, что как только заходишь, кажется, что его массивная фигура сейчас встанет из-за стола.

“Двенадцать правил войны!”, – вспомнил я его голос.

Я помнил, как стоял маленький и читал наизусть правила.

“Отдавая приказ, будь готов смотреть в глаза вдовам и сиротам! Никаких женщин-трофеев, рабынь и пленниц для утех. Никаких принуждений! Это позорит честь мужчины и мундира! Это худшее из всех преступлений, которые ты мог бы совершить! Подвиг – это всегда ошибка командования!” – звучал в этих стенах мой детский голос.

“Никаких принуждений!”, – пронеслось в голове, когда я подавлял желание лететь за ней.

Положив руку на каменный круг, выложенный на стене

мозаикой, я смотрел, как символы светятся под пальцами, а рука покрывается чешуей. Когти впились в каменные щели.

В сейфе лежали документы и старинная рукопись. Она была ветхой, но я бережно достал ее и разложил на столе. Это было главным сокровищем нашего рода. Только наш род имел магию, которая могла менять истинную.

Так делали драконы моего рода задолго до меня. Дед три раза менял истинную. Отец – два раза.

Видимо, пришел мой черед.

Ритуал был несложным. Но человек его точно не сможет повторить. Я положил руку на магический круг и стал читать заклинание.

Магия впитывалась и впивалась в меня, словно тысяча иголок.

Страшная боль пронзила все тело, словно нож вырезал из меня куски плоти. Рука дрожала. Я задыхался болью, чувствуя, как она переполняет меня изнутри. Дракон ревел внутри так, что я из-за его рева почти ничего не слышал.

Я чувствовал, как этот крик, этот рев пытается вырваться у меня из груди, но я стиснул зубы, не давая ему выйти наружу. Пусть останется там, внутри меня.

Я резко отдернул руку, отшатнувшись назад, как вдруг увидел, что метка стала серой. Мертвой. Словно старая печать, которая уже недействительна.

Дракон перестал рваться к ней и умолк. Растерянный. Удивленный. Он больше не рычал, не требовал ее вернуть.

Ему было все равно. Ему, но не мне...

Глава 9

Я проснулась не в кресле. Не возле кровати. Не от мучительного стона боли, на который все внутри рефлекторно реагирует: «Тише, тише, мой хороший... Все хорошо... Ты дома... Ты здесь... Все хорошо!».

Я лежала на кровати, глядя на одеяло и на свою руку, которая легла поверх. И вдруг я увидела, что метка посерела. Если раньше она иногда едва-едва заметно светилась золотом, то сейчас она стала просто серой. Мертвой. Словно какая-то связь внутри оборвалась. Если раньше от прикосновения я чувствовала легкое тепло, то сейчас холод.

«Вот и все...» – сглотнула я, чувствуя одновременно и боль обиды, и облегчение.

Камин уже догорел, поэтому в комнате было зябко. Я встала, закинула оставшиеся дрова и подожгла их. Сейчас, при дневном свете, комната казалась неудобной и пустой. Словно жизнь когда-то покинула ее и так и не вернулась.

Дневной свет обнажал тонкую сеточку трещин на потолке, похожих на первые морщины. Выцветшие обои, паутину на окнах и пыль.

Я встала, накинула теплое платье – халат, обулась и увидела зеркало.

Настроение тут же испортилось, а я рефлекторно отвернулась, словно не желая лишний раз встречаться с той жен-

щиной, которая смотрела на меня из него.

Сорвав старую скатерть с бахромой с круглого столика, я набросила ее поверх стекла, словно не желая видеть то, что оно отражает.

«Не думай о нем! У тебя – новая жизнь! Все, поплакала и хватит!» – пронеслось в голове, когда мысли снова и снова впивались в мужа.

Я решила надеть накидку и исследовать дом. Я была здесь всего два раза, поэтому все вокруг казалось интересным.

Комнаты хранили следы ушедших времен, как фотоальбом – старые фотографии. Пыльные кресла сучали о былых временах, когда со скрипом можно было посплетничать друг с другом. Старая шахматная доска с чьей-то недоигранной партией не вызывала никакого интереса.

Зато здесь была небольшая библиотека и небольшая лаборатория с колбами, ретортами и какими-то алхимическими приспособлениями.

Потрогав чашечку весов с пыльными гирьками, я рассматривала какие-то таблицы, развешанные по стенам. «1 инсерийская унция = 1,21 домфрандской унции».

– Занятно! Если бы я что-нибудь в этом понимала! – заметила моя выстрадавшая тройка по химии.

Я сунула нос в черные пыльные книги, раскрывая их на вложенных закладках. В шкафчике стояли какие-то банки с красивыми надписями и знаками.

– Можно будет попробовать! – пожала я плечами.

Глава 10

Я спустилась на кухню и вскипятила чайник. В ларях нашлась крупа, пропитанная магией, и соль, поэтому я сварила себе вязкую кашу.

Пока я пила чай, греясь у очага, мысли возвращались к комнате с зельями. Я старалась думать о чем угодно, лишь бы не о нем. И каждый раз, когда мысли опасно приближались к высокой красивой фигуре мужа, я пыталась перенаправить их куда угодно.

– Спасибо, Яна Владимировна! – усмехнулась я, вспоминая шутливую привычку благодарить себя за завтраки и ужины. – Вы сегодня молодец. Каша даже не подгорела!

Я погасила очаг и направилась в комнатку с зельями. «Нет, а почему бы не зарабатывать на жизнь зельями?» – задумалась я, сдувая пыль с весов.

Конечно, идея была рискованной. Я листала тетрадь, представляя, что однажды смогу полностью себя обеспечить! Осталось найти какое-нибудь простенькое зелье, которое я могу составить из того, что есть.

Сдув пыль с банок, я внимательно осмотрела названия и снова принялась листать тетрадь. Некоторые зелья варились по нескольку дней. Их я отмела сразу же. Некоторые готовились несколько минут, но требовали такой список ингредиентов, что у меня рука листать устала.

И вот наконец-то я нашла что-то простенькое. Всего семь ингредиентов и двадцать минут работы. Я стала вытаскивать баночки, сдувая пыль с их крышечек. Семь баночек стояло в ряд, а я взяла весы и стала рассматривать магические деления.

Интересно, от чего это зелье? Тут, к сожалению, не написано. Так, общие пометки: «Вызывает легкое головокружение». Радовало то, что кто-то его все-таки пробовал.

Медленно и осторожно, словно от этого зависит судьба мира, я взвешивала каждый ингредиент. Конечно, я была уверена, что у меня с первого раза ничего не получится. Но все-таки в глубине души теплилась надежда. Ведь алхимия была магией рода Алиры. Поскольку я была в ее теле, то у меня должен быть хоть какой-то талант. Ладно, талант – это громко сказано. Так, предрасположенность.

Я осторожно высыпала содержимое чашечки весов на маленький алхимический круг, выгравированный на каменной поверхности стола. Мои пальцы становились, как на рисунке, касаясь древних символов, а я шептала заклинания, видя, как вспыхивает магия внутри круга.

Через пять минут я стояла возле котелка и помешивала его, сверяясь с цветом зелья.

Обида до сих пор горела в моем сердце пламенем, и хоть я старалась не думать.

Слёзы снова подступили к глазам, а я старалась прогнать из горькие мысли.

Но слёзы – они не слушаются. Они лезут, требуя: «Плачь! Ты имеешь право!»

А я не имела. Потому что если я сейчас разрыдаюсь – я стану той самой жалкой женщиной, которую он больше не хочет. А я не жалкая. Я – та, кто спасла его. Даже если теперь он смотрит на меня, как на призрака.

И всё же...

Одна слеза скатилась. Вторая. Третья – уже неудержимо.

«Пусть видит, как я плачу!» – вдруг вспыхнуло внутри. – «Пусть знает, что это он сломал то, что не могли сломать ни проклятие, ни смерть!»

Глава 11

Склонившись над котлом, я думала только о том, что я ведь не бросила его, когда все отказались! Я была с ним рядом... Не она! Я...

«Ну конечно! – вздрагивало что-то в моей груди, а мои губы дрожали от обиды. – Молодая, красивая... С такой и в обществе не стыдно показаться... А я? Как старая тряпка, которую и выбросить жалко, и носить стыдно... Ему просто стыдно со мной выходить в свет! Да что там выходить в свет! Ему даже в постель со мной ложиться мерзко!»

Да мне и на себя смотреть тошно. Я же помню, какой я была до того, как яд его проклятия отравил мое тело... Но я ничего с этим не могу поделать! Ничего!

И я захлебывалась этим чувством бессилия.

«Ты думала, он прилетит сюда? Дура! Он же сказал: «Я не хочу тебя». Не «я не могу», не «подожди» – а «не хочу». А ты всё равно надеялась. Как всегда. Как с папой. Как с жизнью. Как с любовью. Ты – вечная дура, Яна. И за это тебя наказывают».

Пальцы дрожали. Не от страха. От стыда. Стыда за то, что до сих пор любишь человека, который смотрит на тебя как на ошибку, которую нужно исправить.

А Эллен... Эллен даже не знает, каково это – терять себя ради другого. Она просто стоит рядом, свежая, как утро, и

принимает его взгляды как должное. Потому что она – то, что мир считает достойным любви. А ты... Ты – плата за его жизнь. И больше ничего.

Одна слеза упала прямо в котёл.

Я даже не заметила, как она скатилась по щеке – так глубоко я утонула в обиде. Но в тот же миг зелье вспыхнуло алым, будто в него капнула кровь.

А потом... Потом был взрыв. Меня отмело в сторону, бросив через всю комнату.

И я потеряла сознание.

Я очнулась в чем-то липком и холодном, похожем на чьи-то розовые сопли.

– Фу-у-у, – протянула я с омерзением, сплевывая на пол то, что набилось в рот. На вкус оно напоминало проваренный с чесноком пластик, который добрый повар решил добить кориандром.

Я передернула плечами и поёжилась, пытаюсь стряхнуть с плеч эту дрянь.

На счёт тройки по химии учитель как чувствовал.

Вся комната была заляпана этими соплями. Я подняла голову, видя их даже капающими с потолка.

– Не все мои начинания были удачными, – прокашлялась я, пытаюсь убрать со своих волос эту слизь. – Но об этом никто никогда не узнает.

Я вышла, едва не поскользнувшись в луже, а потом закрыла дверь. Если что – это не я.

Боже! У меня даже в носу сопли – и те не мои!

Я с трудом добралась до первой ванной комнаты и включила воду с надеждой, что магия ещё работает.

Глава 12

Золотой кран сначала загудел, словно возмущенный тем, что кто-то потревожил его покой...

«Ну же!» – приказывала я, видя, как в ванную стекает слизь.

Наконец из крана хлынула вода. Сначала тонкой неуверенной струйкой, но потом струйка превратилась в приличный водопад. Я попробовала воду рукой, чувствуя, что она горячая.

Я быстро сняла платье и залезла в ванну. Мыла не было. Но я терла себя, стирая слизь. Старенькие полотенца лежали стопкой, а я допрыгала до них, радуясь, что зеркало успело запотеть.

Платье я постирала и повесила сушиться, а сама, прикрываясь полотенцами, направилась в мою комнату.

Камин потрескивал, я сидела под одеялом и думала о том, что прошел уже день. А он так и не появился на пороге. Наверняка кучер сказал, куда меня отвез.

«Значит, так я ему и нужна!» – прошептала я, закрыв глаза. – «Может, он даже вздохнул с облегчением, узнав, что я ушла. Освободила место для красотишки Эллен!»

При мысли о том, как он снимает с нее платье, как целует ее шею, плечи, как она красиво запрокидывает голову и стонет от его ласки, мне захотелось умереть.

Но самое страшное – не то, что он рад от меня избавиться.

Самое страшное – что я всё ещё надеюсь, что он придет.

Что мое сердце услышит стук колёс, мои ноги сами вынесут меня на крыльцо – и увижу его, стоящего в снегу, с лицом, полным раскаяния.

«Прости, Алира. Я был слеп. Я люблю только тебя».

...Глупая. Наивная. Безмозглая дура.

Он не придет.

Каждое слово, которое он не сказал, жгло внутри, как раскалённый уголь.

«Ты мне дорога» – это не любовь. Это благодарность. А благодарность – не повод держать рядом. Особенно если ты – генерал Иарменор Эрден, чьё имя должно сиять, а не тонуть в болоте чужой жертвы.

И вдруг я почувствовала – не в сердце. В душе, как что-то лопнуло. Не надежда. Нет. Что-то хуже. Что-то, что шептало: «Ты всё сделала правильно. Но он всё равно выбрал другую».

Глава 13. Дракон

– Подготовь документы на развод, – приказал я, глядя на идеальный порядок в кабинете.

«Хаос на войне – порядок в доме!» – это было правило моего отца.

Дракон молчал. Наконец-то. Он устал рваться к ней, как раненый зверь к источнику, который уже высох. А я... Я мог вздохнуть полной грудью. Хотя, честно говоря, в груди было пусто – как в доме, из которого кредиторы вывезли всю мебель.

– Как скажете, господин, – поклонился дворецкий. – Что-то ещё?

– Деньги, припасы, одеяла, – перечислял я, будто собирал приданое для невесты, а не прощальный набор для женщины, которую не смог любить так, как должен. – Сомневаюсь, что этот дом ждал её с распростёртыми объятиями и прогрет себя сам.

– Будет сделано! – кивнул дворецкий, удаляясь. Я понимал: всё закончилось. Она отпустила меня. Я – её. Как благородно звучит. Как будто мы не ломали друг друга своей болью, а просто... договорились.

Сегодня я, наверное, сделаю предложение Эллен.

Как только вернусь с документами.

Делать предложение, не получив развода, – признак от-

сутствия элементарных знаний тактики и стратегии.

Отец бы меня за такое в канаву с марш-броска пинком отправил.

Я не знал, как дракон, освобожденный от мучительной истинности, встретит новую женщину.

Быть может, он сам выберет её. А может, и нет. Но тогда есть магия, которая заставит его сделать правильный выбор.

Только наш род мог присвоить такую магию, в которой даже сердце можно подчинить приказу!

Дворецкий вошёл с документами и положил их стопкой на стол.

На столе царил идеальный порядок – уголок к уголку, как любил отец.

Я взял перо и написал сумму откупных: половина сокровищницы. Этого хватит ей на безбедную жизнь. Даже если она каждый день будет покупать себе десяток новых платьев и на обратном пути сыпать деньгами из кареты.

Пусть это будет моей благодарностью. За то, что спасла мне жизнь. За то, что ушла тихо – не устроив мне позорной сцены, как любая другая на её месте.

Может, дракон сейчас и молчал. Но что-то внутри меня всё равно хотело её увидеть.

Я смотрел на документы, на которых осталось место только для её подписи, и думал: а не повод ли это – увидеть её ещё раз?

Я не знал, что меня тянет к ней. Привычка? Благодар-

ность? Или просто совесть, которая решила напомнить, что я обязан ей жизнью.

Мне хотелось, чтобы мы расстались без упрёков. Без скандалов. Без крика и обвинений.

Как будто боль можно стереть, если договориться о правилах вежливости.

– Всё готово, господин! – послышался голос дворецкого. Он был грустен. Я чувствовал это. – Мы упаковали всё самое лучшее для нашей бывшей госпожи...

– Хорошо, – кивнул я, вставая с кресла.

За окном был уже вечер.

А я понимал: сегодня мы увидимся в последний раз.

Или, может, она просто подпишет бумаги, не глядя на меня. Как я подписывал приказы, посылая на смерть – не глядя в глаза людям, которым предстояло их выполнить.

Глава 14

Я поступила правильно.

С этой мыслью я легла спать. У меня есть немного денег, украшения, что на мне. Но нет мыла. Так что придется сходить за едой и мылом в Столицу. Я знаю, что тут недалеко. Так что придётся идти в Столицу. Полчаса туда, полчаса обратно. Всего час жизни, потраченный на то, чтобы не пахнуть нищетой.

Утром я проснулась, оделась и доела кашу. Путь предстоял неблизкий. Но я рада была пройтись.

Я вышла на улицу, вдыхая свежий морозный воздух. Ноги проваливались в сугробы, а я шла по колее, которую снег уже начал стирать, будто пытался стереть и меня.

Через сорок минут – или через вечность, если мерить холодом – я дошла до Столицы и вошла в главные ворота. Лавочки тут же зазывали вывесками: «Свежий хлеб!», «Тёплые перчатки!», «Красота за три монеты!»

Мужчина-прохожий в заснеженном цилиндре замедлил шаг, заглянул мне в лицо – и чуть не споткнулся.

Ну конечно. Не каждый день увидишь женщину, чья внешность – результат благотворительности в пользу чужой жизни.

Сглотнув ком в горле, я стиснула зубы.

– Пусть смотрят. Мне-то что? Да, я не красавица. Но разве

это повод плясать, как будто я – экспонат в музее ужасов?

Старик, чистивший прилавок от снега, тоже замер. Его взгляд скользнул по моему лицу – и задержался. Нет, бабушка. Это не смерть к тебе пришла. Это всего лишь я!

Я гордо прошла мимо, стараясь не думать, что выгляжу как кошмар, случайно вырвавшийся из алхимической колбы.

– Спокойно, – шептала я себе. – Они тоже не мистер «Вселенная». У одного усы, как у мокрой крысы, у другого – нос, будто его слепил пьяный гном. Чья бы корова мычала...

Но руки всё равно дрожали. Каблук царапал лёд, как когти по стеклу.

Два парня – явно студенты мага (судя по мантиям, запаху перегара и самодельными амулетами на груди) – сбавили шаг, толкая друг друга локтями. Один кивнул на меня и что-то прошептал.

– Ну это уже перебор, – мелькнуло в голове. – Я не монстр. Я всего лишь женщина, которая слишком долго верила, что любовь – это когда тебя вычёркивают из собственной жизни ради чужого спасения.

Мне захотелось спрятаться.

Стоп.

Вот – лавка вуалей.

Я ступила на деревянное крыльцо и открыла дверь. Мелодичный колокольчик звякнул, как будто предупреждал: «Осторожно, здесь продают иллюзии».

– О, леди! – воскликнул продавец, мгновенно превращаясь в дамского угодника. – Вуали, вуалетки! Любые на ваш вкус!

– Мне нужна самая длинная и самая плотная, – сказала я, чувствуя, как щёки горят. – Та, что скроет даже тень.

– Вот! И вот! И вот – особенно вам подойдёт! Будет изумительно смотреться на вашем личике! – Он улыбался так, будто действительно верил в это.

На моём «личике» отлично будет смотреться мешок для картошки. С прорезями для глаз. Это я знаю наверняка.

Я взяла одну из вуалей, рассматривая её. Эта чуточку поплотнее. Конечно, не идеал – но сойдёт. Главное, чтобы бросала тень на лицо. Чтобы никто не видел, как выглядит безграничная любовь к мужу.

Только я решила надеть ее на голову, как вдруг передо мной, как по волшебству, появилось зеркало.

От неожиданности я дёрнулась, чтобы успеть отвести взгляд, но не успела.

На меня из зеркала смотрела женщина просто невероятной красоты. Бледная, без единого изъяна кожа, алые сочные губы, густые чёрные ресницы и роскошные волосы, наспех собранные в неряшливую причёску. Яркие, красивые глаза цвета янтаря с удивлением расширились.

Я моргнула. Красавица в зеркале тоже моргнула.

– Так вы определились, какую берете? – улыбнулась продавец, облизывая меня взглядом.

— Ну, конечно, — подумала я с горькой усмешкой. — Даже зеркала теперь врут. Наверное, боятся, что я разобью их, если покажут правду.

— Так вы определились, какую берёте? — еще раз повторил продавец, подходя ближе. — А давайте так! Я подарю вам вторую, если вы изволите всем рассказывать, что купили вуали у меня. А еще я могу пригласить куда-нибудь! Если вы не замужем, разумеется!

Я расплатилась за первую вуаль и вышла из магазина. Подойдя к витрине, где продавались пуговицы, я присмотрелась к своему отражению.

Все та же красавица смотрела на меня удивленными глазами, словно не веря, что это — она.

Нет, я помнила, как я выглядела до того, как впитала в себя проклятье. Я была красивой, но не настолько!

Я скользила руками по своему лицу, словно ощупывая его. А вдруг это — сон? Вдруг это мне чудится? А если завтра эта красота исчезнет... что останется от меня?

Глава 15

Пальцы онемели, будто их облили ледяной водой. Колени подкашивались, а в горле стоял ком – не из слёз, а из страха, что это всё мираж. Что завтра я снова проснусь с кожей-пергаментом и седыми прядями.

Я повернулась в сторону прохожих. Мимо чинно шла солидная пара. Господин, убеленный сединами, солидный до невозможности, под ручку с супругой. Милая, скромная, у которой на лице написано: «Добропорядочная». Я заметила, как господин медленно поворачивает голову в мою сторону, а во взгляде: «Оу!». Его жена лишь вздохнула и с укором посмотрела сначала на него, а потом на меня.

Они все смотрят, но никто не знает правду.

На лице – гладкая белизна, будто я – богиня, сошедшая к смертным. А внутри, в душе я – все та же несчастная старуха, что плакала в пустой спальне, пряча лицо в подушку, чтобы не слышали слуги.

Продавец в магазине, в котором я купила мыло, едва не залез на прилавок, расхваливая мне какие-то духи. Он бесконечно рассыпался в комплиментах, подкручивал тоненький маленький усик, напоминаяший секундную стрелку на часах, и улыбался так, что я даже отошла на несколько шагов. На всякий случай.

Когда продавец приблизился настолько, что мне стало

неуютно, я почувствовала, как по спине пробежал холодок – не от страха, а от того, что чужие пальцы могут коснуться меня. Я ведь хотела, чтобы меня касались только пальцы, которые принадлежали моему дракону. И мысль, что кто-то другой может захотеть меня, вызывала тошноту. Не потому что я не хочу быть желанной. А потому что я хочу, чтобы захотел он. Только он. Даже если это больно.

Я купила себе корзину, в которую сложила покупки. Хлеб, булочки, чай, масло и немного круп.

И везде я чувствовала себя неуютно. Эти взгляды, которыми меня провожали, заставляли меня нервничать и ускорять шаг.

А в голове крутилось: «Ну конечно, теперь я красавица. Как раз вовремя – когда он уже выбрал другую. Видимо, судьба решила поиздеваться: «Вот тебе красота! А вот – одиночество. Наслаждайся!».

Хотя с такой красотой женщины не бывают одинокими!

На улице уже стемнело, а я все не могла отделаться от чувства, что прохожие постоянно оборачиваются на меня. Мужчины с явным интересом, а женщины с завистью.

Какой-то мужчина подбежал ко мне и вручил цветочек. Он был некрасив, но я вежливо улыбнулась ему.

«Это не тебе. Это твоей красоте! Красота – страшная сила. Когда люди видят красоту, им плевать, что прячется под ней!» – пронеслось в голове.

Глава 16

Но цветочек я взяла, положив в корзину.

Я все еще не могла поверить в то, что случилось. Неужели свершилось чудо? Или... Или это те самые розовые сопли, которые вчера разукрасили всю лабораторию?

Пока что все подозрения сводились к ним. Не может такого быть, чтобы причины не было!

«Если это те самые сопли, то это золотое дно!» – пронеслось в моей голове.

А разве может быть такое? Я же в зельях – полный ноль!

Учитель химии всегда говорил о том, что великие открытия делают идиоты. Он рассказывал, как изобрели закрепитель для краски. Один идиот не уследил за тканью, которую развесили сушиться после покраски, и на ткань капнула птичка. И это сделало революцию в моде!

Он мечтал сделать свое великое открытие, но идиотом быть не спешил. Даже готовился к этому, скупая книги и журналы.

И каждый раз, когда кто-то из «случайных» людей делал великое открытие, злился и ходил мрачнее тучи.

Может, я как раз и оказалась тем самым «случайным человеком»?

Теперь таинственное зелье занимало все мои мысли, а я спешила домой так, словно там меня ждут!

Стоило мне приблизиться к поместью, как я увидела, что ворота почти завалило снегом. Пришлось тащить их и пинать снег в разные стороны. «Раньше это делали слуги!» – пронеслось ворчливое в моей голове. Никто не ждал меня дома с пирогом и теплым чаем. Никто не бежал открывать промерзшую дверь. Но оптимизм, что мне удастся наладить быт, не иссякал!

Я отряхнулась, прошла в лабораторию, видя, что здесь все чисто! Кое-где остались похожие на сопли подтеки, но и они испарялись.

Помятая тетрадка с мокрыми страницами была нервно прижата к груди.

«А что, если у всего этого временный эффект?» – подумала я. И эта мысль меня напугала.

Я снова нашла этот рецепт. Надо узнать, что это вообще такое? Может, я тут прорыв в медицине совершу! Или в косметологии! Сердце ухало в груди так, словно я пробежала стометровку без разминки.

Ладно, теперь главное просушить тетрадь!

Пока тетрадь бережно сушилась у камина, я думала о муже.

Я хотела, чтобы он увидел меня сейчас. Хотела, чтобы его сапфировые глаза расширились, а дракон внутри зарычал от жажды. Но еще сильнее я боялась – а вдруг он просто скажет: «Красива? Ну и что? Ты все равно не та».

Я вскипятила чайник, съела две булки, хотя обещала себе

есть по одной, как вдруг раздался стук в дверь.

Глава 17

Стук был таким громким и отчетливым, что я сразу поняла: кто-то очень хочет меня видеть.

Я вышла из комнаты в коридор и подошла к окну. Возле дома стояла черная карета мужа. Томас сидел на козлах, кутаясь в шубу и поглядывая на окна.

Сердце ударило в рёбра, как птица, запертая в клетке. Я почувствовала, как по спине пробежал жар – не от страха, а от того самого древнего зова, что когда-то заставлял меня бежать к нему сквозь снег и ночь.

В мыслях пронеслось: «Он пришел! Пришел за мной!»

Но я тут же попыталась успокоиться.

«Открывай! Чего стоишь!» – трясли меня нервные клет-ки. – «Пусть полюбуется, какую красоту потерял!»

«Нет! Не вздумай! На одни грабли два раза не наступают! Даже если грабли – дракон!» – упрямо твердила гордость.

Стук раздался еще раз.

Зная Иарменора, двери скоро не будет! Дракону дверь на один удар. И только вежливость и воспитание спасают двери от его «войдите».

Жить без входной двери одной в поместье было бы не просто холодно, но и опасно. Поэтому я стала спускаться вниз.

– Кто там? – спросила я, подойдя к двери, хотя прекрасно знала, кто за ней стоит. Может, что-то внутри меня все еще

хотело услышать его голос.

– Я. Открывай.

Голос мужа за дверью показался холодным и пустым. Словно в нем что-то умерло.

Я посмотрела на метку, которая посерела и больше не вспыхивала, как вдруг с горечью поняла, что между нами все закончилось. Я прижала пальцы к запястью. Там, где раньше пульсировала золотая нить судьбы, теперь – только холод. Как будто кто-то вырезал из плоти не шрам, а саму надежду.

– Зачем ты приехал? – спросила я, прикасаясь к засову.

– Тебе нужно подписать документы на развод!

И снова этот холод в голосе. Не холод, а стужа!

«Он даже не стал ждать, пока я умру от стыда в этом заброшенном доме. Экономия времени – признак хорошего военачальника. Его отец им бы гордился».

Развод? Как быстро! Ну а что я ожидала? Там уже Эллен не терпится примерить фамилию бравого генерала. Что ж...

«Ты сама ушла! Ты сама обозначила, что не хочешь быть с ним!» – напомнила я себе.

«Да, но...» – сглотнула я.

Я сжала челюсть, чувствуя, как она подрагивает. Больно. Мне очень больно!

Неужели он не мог подождать недельку! Хотя бы в знак уважения за то, что я сделала для него.

Глава 18

Хоть я и старалась не расстраиваться, но внутри все покрылось коркой жгучего льда. И тут я вспомнила про свое лицо.

Что-то внутри меня требовало показать его. А что-то наоборот говорило, что “не надо! Все кончено, так кончено!”.

Я открыла дверь и тут же развернулась спиной, протягивая руку:

– Давай сюда документы, – произнесла я, не глядя. – Тебе срочно? У тебя там невеста плачет?

“Подпиши документы, а потом покажи лицо!”, – нашептывал мне дьявол, потирая ручки.

“Нет!”, – резко ответила я. – “А что если эффект временный? К тому же... я очень обижена... на него! Пусть живет, как хочет и с кем хочет. Так будет правильно!”.

– Жди здесь! Я сейчас подпишу и вернусь! – как можно спокойней произнесла я, направляясь по лестнице вверх.

Я нарочно отвернулась, словно рассматриваю портреты предков, чтобы он не заметил изменений в моей внешности. Я зашла в комнату, дрожащими от волнения руками взяла письменный прибор. Чернила оттаяли от тепла, и я обмакнула в них перо.

“Ты ведь еще можешь попытаться...”, – пронеслось в голове, когда я смотрела на слова “Расторжение брака”.

– “Покажи ему новую себя, и он может передумать!”, – настаивал внутренний голос. Это шептала гордость.

Перо застыло над бумагой, потому что пальцы онемели от холода, который шёл не снаружи, а изнутри. Из груди. Там, где раньше билось сердце, теперь – пустота.

“Пусть увидит, кого потерял! Пусть локти кусает!”, – шептала гордость, а ее предложение казалось таким соблазнительным. Я даже представила, как снимаю вуаль, как смотрю ему в глаза... Как муж все осознает, как...

Но тут же мотнула головой, отгоняя эту мысль. Нет!

“Любить человека за внешность? Да разве это любовь?! Разве тебе нужна такая любовь? Ты любила его бледное лицо с прожилками черных вен, любила его серые губы, любила заострившиеся черты лица, спутанные в бреду волосы... Ты любила даже рану, которая выглядела так ужасно, что хотелось отвернуться... Ты любила все. А он – только оболочку. Длинные ресницы и красивые глаза, фарфоровую кожу и улыбку!” – пронеслось в голове.

Я все еще сомневалась, словно цепляясь за прошлое. Сердце отчаянно сопротивлялось, но гордость шептала: “Подписывай!”.

И я поставила подпись, скрепив ее родовой магией. Все. Это – точка.

Документы вспыхнули заклинанием. Развод состоялся.

Глава 19

Скинув с зеркала скатерть, я посмотрела на свое отражение. А потом нацепила вуаль. Если на улице при дневном свете лицо было видно, то сейчас тени от светильников делали свое дело, скрывая даже черты. А в холле намного темнее, чем здесь! Там светильники работают через один!

Мои губы задрожали. Мне было так обидно. А ведь случись чудо немного раньше, до того как появилась Эллен, до того как я услышала в открытую, что меня не хотят и хотеть не могут, все было бы иначе...

Обида сжала сердце. Ну почему все именно так?

А вдруг дело не в красоте? Вдруг дело... в ней? В красавице Эллен? Вдруг он и правда влюбился в нее?

Я ударила кулаком по стеклу.

– Зачем?! – беззвучно закричала я, и мир разорвался на части. – Зачем ты вернулась?! Зачем теперь?!

Красавица в разбитом зеркале плакала, словно зная, что трещины не зарастут. А я стояла, сжимая окровавленную руку, и понимала: даже эта красота – не моя. Она родилась из ошибки, случайности. И, вероятно, она уже никому не нужна. Даже ему.

Его сердцем владеет другая.

Пальцы дрожали. Одно движение – и он увидит. Увидит, что я всё ещё достойна быть его истинной. Но что, если он

скажет: «Я рад за тебя...» Что, если дело не во внешности? А в другом?

Поправив вуаль и вытерев кровь с руки, я расправила плечи.

Я спустилась, стараясь не смотреть на мужа, стоявшего в холле. Но все равно смотрела. Холодный, высокомерный, сильный генерал смотрел на меня и на бумаги, которые я сжимала в руках.

Его запах – дым, сталь, кориандр – ударил в виски. Тело помнило это тепло. Помнило, как он прижимал меня к себе, когда мне снились кошмары, что его убили. А теперь стоял, как чужой. Как кредитор, пришедший забрать долг.

– Вот, – холодно произнесла я, протягивая ему бумаги.

Он не взял. Пока не взял.

Я опустила голову, глядя на старую мозаику пола. "Забери уже и проваливай!", – пронеслось в голове.

– Может, тебе что-то нужно? Я привез одеяла, еду... – голос уже бывшего мужа немного потеплел.

Это прозвучало так, как тогда, когда он лежал в лихорадке и я целовала его пальцы, моля: «Дыши...». Мои колени сами захотели согнуться. Но я вцепилась ногтями в ладонь – чтобы не упасть. Чтобы не броситься к нему.

Но тут же опомнилась. Мне вдруг стало обидно. Вязкая горечь, которая обычно бывает перед слезами, наполнила рот.

Ах, мы решили позаботиться? Да? Как мило! Это так тро-

гательно, что я сейчас расплачусь!

– У меня все есть. Одежда есть. Еду я купила. Я справлюсь сама, – сухо произнесла я, но голос дрогнул.

Неприятный момент. Нервный. Быстрее бы он уже уехал! Что ему стоит просто взять эти чертовы документы и направиться к двери?

– Половина сокровищницы твоя, – произнес Иарменор. – Тебе ее привезут. Починишь дом. Наймешь слуг.

«Половина сокровищницы?» – захохотала бы я, если бы не боялась, что смех вырвется слезами. – «Спасибо, милорд! За мои годы, за мою молодость, за мою душу – вот вам чек на золото. Распишитесь в получении! Тратьте на здоровье! На остатки здоровья, если быть точнее!»

– Сама разберусь, – глухо и неприязненно произнесла я, хотя внутри что-то обожгло: “Ничего себе щедрость! Дракон готов расстаться с половиной сокровищницы? Это что-то новенькое!”.

Ну конечно! Он думает, что я выхаживала его за половину сокровищницы! Ха! Жизнь мне уже доступным языком объяснила, что деньги ничего не решают! Когда я предлагала сумасшедшие деньги любому, кто согласится хотя бы подменить меня возле его кровати, чтобы я поспала и отдохнула.

Когда уже бывший муж шагнул ближе, мои плечи сами напряглись – не от страха, а от привычки: раньше он клал на них руку, чтобы я не упала от усталости. И я ждала этого.

– Может, ты не будешь упрямиться? – произнёс Иарме-

нор, и в голосе мелькнула та самая хрипотца, что звучала тогда, когда он метался в бреду, ловил мою руку и просил: «Не уходи...»

Но сейчас это звучало как приказ. Как попытка взять под контроль то, что уже выскользнуло из когтей.

– Я понимаю, что между нами все кончено, но я хотел бы, чтобы мы остались друзьями... – его голос все еще был хриплым. Но в нем я слышала нотки надежды.

Друзьями? Серьезно?

Глава 20

Ушам поверить не могу! Мы... тадам! ... друзья! Ах, как мило! Сейчас расплачусь, как вдова на похоронах! А что? Вуаль есть! Горло сжало так, будто там не голосовые связки, а верёвка палача. Я не могла глотнуть слюну – каждое движение резало, как стекло.

– Ты всегда можешь обратиться ко мне за помощью, – произнес Иарменор. – И я помогу! Я в долгу перед тобой!

Я впилась ногтями в ладонь – не чтобы не плакать, а чтобы почувствовать хоть что-то кроме этой боли внутри. Но эта боль была слишком мелкой для того, что происходило в груди.

«Я в долгу перед тобой» – это не признание. Это клетка. Он хочет держать меня рядом, но не как жену. Как напоминание: «Я хороший. Я плачу за спасение».

– Совесть взыщет! – усмехнулась я, делая глубокий шумный вдох, чтобы сдержать слезы.

В холле на секунду стало тихо. Я пыталась вдохнуть – и не могла. Как тогда, когда он лежал в лихорадке, и я думала: «Если он умрёт – я перестану дышать». А теперь он жив... и всё равно забирает у меня воздух.

– Мне не нужна твоя дружба и помощь, – отчеканила я. – Я не хочу, чтобы нас что-то связывало. Долг твой я тебе прощаю! Спасибо. Прощай.

Иарменор смотрел на меня – и не видел. Не видел, что я снова стала той, кого он когда-то хотел показать миру. Он видел только «бывшую жену», которую надо отпустить с почётом. А я стояла в вуали, как призрак той, кем могла бы быть – если бы он позволил себе хотеть.

Иарменор не уходил. Он стоял и смотрел на меня. Слёзы не текли – они жгли изнутри, как раскалённые угли. Я моргала быстро, быстро – чтобы они не вырвались. Потому что если я заплачу сейчас, он решит, что я прошу его остаться. А я не прошу. Никогда больше.

– Я все еще ищу мага, который мог бы помочь тебе, – произнес он.

Его сапфировые глаза на секунду вспыхнули янтарём – как в лихорадке. Как тогда, когда он звал меня по имени во сне. Но сейчас он тут же опустил веки, пряча зверя.

– Мне уже не нужна помощь, – ответила я, прикрывая глаза.

“Уходи! Убирайся! Прямо сейчас! Я не могу смотреть на тебя. На мужчину, которого любила... Так сильно, что отдала за него и красоту, и здоровье. И который променял меня на другую!”.

– Почему? – спросил Иарменор.

От него шёл жар – не человеческий, а драконий. Тот самый, что грел меня ночами у постели. А теперь он стоял, как печь, закрытая железной дверцей.

От раздражения меня трясло внутри. Что? Сложно просто

взять, развернуться и уйти? Сложно, да? Обязательно надо поговорить! Проявить... заботу!

– Потому что я справлюсь сама, – выдохнула я, а голос звучал тихо, но искренне. – Ты скучаешь? Тебе просто хочется поговорить? Или это чувство вины заставляет тебя открывать рот? Так скажи ему, чтобы оно прекратило! Это был мой выбор! Мой! Помогать тебе или нет!

Я понимала, что у меня больше не будет времени сказать ему это.

– Я сама приняла решение спасти тебя. Меня никто не заставлял! А значит, ответственность за этот выбор несу я одна! Скажи своей совести, чтобы она прекратила. И катись к своей Эллен. – выпалила я.

– Я ведь не прогонял тебя! Ты сама ушла! – произнес Иарменор.

Ерука приподнялась, словно хотела меня обнять. Но тут же опустилась. Я видела этот жест. Красноречивей любых слов.

– Я ушла потому, что ты выгнал меня. Из своего сердца. Из своей постели. Я всего лишь открыла дверь и вышла на улицу! – произнесла я сквозь слезы. – А теперь... уходи! Уходи, пока я не стала кричать. Хватит мне тут изображать чувство вины.

Между нами повисла тишина. Не пустая. Напряжённая. Как перед грозой. Как перед тем, как дракон приходит в ярость. Но он не зарычал. Он просто стоял. И это было

страшнее любого крика.

Когда он протянул руку за документами, его пальцы дрогнули. На миг. Как будто хотели коснуться моих. Но он сжал кулак и взял бумаги. Только бумаги. Не меня.

– Прощай, – произнесла я, голосом, которым ставят точку.

В этот момент дверь резко открылась, а в нее вошел Томас. – Куда заносить? Там уже снегом все закидало!

Порыв сильного снежного ветра ударил мне в лицо, заставив зажмуриться и отвернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.